

государя,⁴ ныне же у бога спасенного. Когда его королевского величества от души оставленное тело, с подобающею королевскою честью, и сердечным всех подданных рыданием бысть погребенно. В Стоколне двадцет-четвертаго новемврия лета от воплощения бога слова 1697».

«Безначального бога наместнику», «воистину славному» государю Карлу XI, меч которого принес благолепие победы и мироуспокоение, «от всех нас горко оплаченному», тому, кто при своей жизни не вызывал слез, «поставляем также дар сей... слезами усердными... от народа славяно-⁵россыского подданные люди и верные рабы», — так обосновывает свое выступление Спарвенфельд. Король «церковных чинов единость укрепити и в дальних ижерских и самоедских порубежных сопределех трудно подвижити, также и расширити восхоташе». О короле «слези разливает вся северная страна скандийская», «достойная воздают рыдания возлюбленнейшему государю», «любовь далеко от себе и из персей своих изкидавшему». Любовь эта была взаимна, все подданные «возвратительно» любят «огечестива отца». Касаясь отношению к королю жителей Иванорода, Спарвенфельд уверяет: «любовь любовию воздающая Ругодивска слобода» (старое русское название Нарвы — Ругодив). Король ненавидел «преступления аки казни», покаяние предпочитал мукам, но «не бысть без суровости и царския остроты», он «законов святыю правду оборонити обыкновен быст», отсюда пошло добровольное послушание народа.

Ласковым, смиренномудрым разговором с «меншими» (нижестоящими) Карл XI поднимал их до себя, не умаляя этим своего величества. Своим смирением «благоречивый бога наместник» принудил «варварские отложивше нравы неразумный некогда и скрежещии савроматскы народ» (Польшу) жалеть о преждевременной смерти короля. «Караболо-плаванием, и купледействиа подвижением свидское свое государство, с прочими частми света тако совокупи», привлечением американского золота и серебра, азиатских и африканских шелков и прочих сокровищ король уравнял с ними обделенную природой «землю свио-готскую», т. е. Швецию. Его оплакивают не только «домашние», но и иноземцы, среди них приезжавшие через Московское государство персидские и армянские («кизилбашко-армянские») купцы. Король воскресил истинную верность «вселенскую и посполитую» нижних людей, а не «дворянских кошуников сладкоглаголуших языков».

Спарвенфельд многословно превозносит добродетели Карла XI, почитавшего свою совесть яко «богину», его мужество в бранях, верность слову, смиренномудрие, чистоту добродетели. Он призывает оплакивать смерть короля, «везде звенащую славу», которого «последняя Туле «вероятно, Исландия, — Т. Б.» слышавша». В погребении короля, — утверждает Спарвенфельд, — принимает участие вся вселенная: «Земля даждь гробний холм, реки проливают слезини, Перун запалает светила, воздух здыхает благоуханиа, свезды одеваются чернотиу».

В конце речи Спарвенфельд дает поучение всем властителям: «Да будут разумнии самодержции, бдащии короли и вси всегда к смерти готови... родися воеже вековечно жити. Проживе воеже праведно царствовать, царства же воеже спасенно умрети. Умре воеже вечную честь и спасение достигнути».

Конец речи обращен к новому королю Карлу XII: «Яко из сих драгих королевских пепелей воскресе нам, и останется феникс некий... толикаго отца толь великий сын благочестивый, благомудрый, благоразумием и благодатию возрастаемый самодержавний наш началодержец божию вседержи-

⁴ В подлиннике «госудая».

⁵ В подлиннике «савяно».